

СОЦИАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМА СМЫСЛА: К ВЫРАБОТКЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОНЯТИЯ

И. А. ШМЕРЛИНА

Статья посвящена анализу категории «социальность», имеющей сегодня статус скорее концепта, нежели строго очерченного понятия. Задача статьи состоит в экспликации явных и неявных установок, связанных с концептом «социальное» и, в частности, смысловой коннотации данного понятия. Показано, что на базе категории «смысл» возможна полидисциплинарная трактовка социальности, но остается открытой задача спецификации данного понятия применительно к тому классу явлений, на изучение которых ориентирована социология.

Ключевые слова: социальность, смысл, междисциплинарность.

«Социальное» представляет собой незаменимое слово тезауруса наук о поведении, в частности, социологии и этологии. Между тем в лексиконе обеих наук оно выступает скорее в качестве концепта, нежели четко определенного научного понятия. На это как на серьезную научную проблему указывают как социологи¹, так и этологи².

Характерно, что в большинстве социологических словарей категория «социальное» вообще не термируется, вы-

¹ «Мы не знаем точно ни что такое общество, ни что такое социальное» [А.О.Бороноев, П.И. Смирнов О понятиях «общество» и «социальное» // Социологические исследования. 2003. № 8. С. 3–11.

² «...информационное пространство (проблемы социальности) страшно зашумлено, концептуальная неясность» [Н.Г. Овсянников Социальность как потребность в партнере // Доклад на Московском этологическом семинаре. 28.03.07].

ступая фоновым концептом в лексико-семантической функции прилагательного.

В данной работе мы попытаемся пройти путь от концепта к понятию, эксплицировав явные и неявные установки, связанные с этим словом, и восстановив логические валентности, которые позволяют ему удерживать центральную позицию в словаре наук о поведении.

СОЦИАЛЬНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН СОВМЕСТНОСТИ

Исходная интуиция, лежащая в основе понятия «социальность» и не требующая предварительной теоретической рефлексии, – это концепт «совместности». Именно так данное понятие описывается, например, в общеупотребительном толковом словаре: «общественность, общежительность, гражданственность, взаимные отношения и обязанности гражданского быта, жизни»³.

Совместность – необходимый, но явно недостаточный критерий социальности. Совместность можно трактовать физически и экологически; в этом отношении ничто не мешает говорить о социальности растений, и такого рода концептуализации действительно имели место⁴.

Социальность есть базирующееся на совместности особого рода взаимодействие.

Попытка сужения данного концепта с помощью понятия «взаимодействие» дает некоторое приближение к сути искомого феномена. Так, это позволяет уйти от «социологии растений», поскольку в случае растений если и корректно говорить о взаимодействии, то скорее в рамках экосистемы, нежели непосредственно между ее «участниками». Этот критерий отвечает также исходной интуиции, не позволяющей рассматривать как подлинно социальные образования такие формы совместного пребывания живых существ, как агрегации (скопления особей под действием какого-либо физического фактора, например, тепла), между представителям которой нет никакого взаимодействия.

Заметим, что использование термина фитосоциология имеет и современные прецеденты: Н. Dierschke. Pflanzensoziologie: Grundlagen und Methoden. Stuttgart: Ulmer, 1994.

В то же время понятие «взаимодействие» имеет слишком большую область применения (включая физическое и химическое взаимо-

³ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. М., 1978.

⁴ См.: В.Н. Сукачев. Страница для будущей истории фитосоциологии // Лесной журнал. 1915. Т. 45. № 1–2; В.А. Вагнер. «Социология» в ботанике (Фито-социология) // Природа. 1912. Сентябрь. С. 1059–1080; Г.Ф. Морозов. Лес как растительное сообщество. СПб., 1913.

действие), чтобы считать его достаточным критерием социальности. Следовательно, необходимо говорить об особом рода взаимодействии.

Дальнейшее продвижение на пути от концепта к понятию требует выяснения характера этого взаимодействия. Ближайшим ответом, к которому «по зеленому коридору» пропускает сегодняшний социологический дискурс, будет спецификация этого взаимодействия как *базирующегося на общей смысловой перспективе*.

Социальность есть взаимодействие, базирующееся на общей смысловой перспективе.

Однако что понимать под смыслом, задающим такую перспективу? Смысл – центральная и одна из наиболее плохо определенных категорий социогуманитарного анализа. Даже в психологии, имманентно самим своим объектом (мыслящим, чувствующим, переживающим человеком) ориентированной, казалось бы, на проблематику смысла и на протяжении последнего времени усиленно над ней работающей, нет ясности в понимании данной категории⁵.

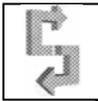
В целом кажется очевидным, что концепт смысла имеет две достаточно хорошо очерченные и на первый взгляд не пересекающиеся между собой зоны использования – специально-научную (логическая семантика) и зону обыденного дискурса, в которой смысл тесно связан с ментальностью человека и, более узко, с миром его осознанных (рефлексируемых) ориентаций и ценностей. Второй подход, насыщенный скорее терминологически, нежели содержательно, вошел и в сферу научного анализа как гуманитарно-оценочная парадигма смысла.

Каждый смысл, по Гуссерлю, «интенционально содержится во внутренней сфере нашей собственной испытывающей, мыслящей, оценивающей жизни и формируется в нашем субъективном генезисе сознания»⁶.

Что касается семиотики, то здесь «смысл» представляет собой элемент знака, причем элемент самый главный – конституирующий, структурообразующий, связывающий «имя» и «вещь». В концепте

⁵ «Строго говоря, понятия “смысл” не было до недавнего времени – за этим словом стоял скорее «синкрет» в терминах Выготского или эвристическая метафора – и с моей стороны было бы излишней смелостью утверждать, что оно есть сейчас, хотя я занимался решением задачи построения непротиворечивой онтологии смысловой реальности на протяжении около 20 лет, обобщив результаты этой работы в монографии “Психология смысла”» (Д.А. Леонтьев. Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): материалы международной конференции. М., 2005. С. 36–49.

⁶ Э. Гуссерль. Амстердамские доклады II // Логос. № 5. М., 1994. С. 10.

смысла находится точка тяжести самого понятия «знак» и его предназначение – быть информационным заместителем. Действительно, бывают знаки без денотатов («вещей»), но не бывает знаков без смысла.

Выделенные «полюса смысла» хорошо представлены в работе Кравца, который описывает их следующим образом: «Итак, первый подход явно тяготеет к экстернализму, указывая на противоположную слову внесысловую реальность (вещи, свойства, ситуации и т.д.). Второй можно назвать интерналистским. Согласно ему, смысл слова следует искать в сфере сознания носителя языка, в мыслимом, подразумеваемом содержании слова»⁷.

Для психологии, усиленно интересующейся в последнее время проблемой смысла, выделение названных подходов будет, по-видимому, сильным упрощением ситуации, сделанным «с высоты птичьего полета». Однако настоящая работа фокусирована на проблемах социологии, а не психологии, и подобный масштаб отвечает ее задачам. Для нас важны не тонкости психологической проработки смысла, а те ракурсы, в которых данный концепт воспринят в современном социогуманитарном дискурсе.

Безусловно доминирующие позиции принадлежат здесь гуманитарно-оценочному подходу, согласно которому смысл есть то, что субъективно переживается и в чем субъект отдает себе отчет. В критерии самоотчета проявляется та активная роль сознания, что присуща только человеку и позволяет ему «конструировать» действительность, что, собственно, и означает конструировать ее смыслы: «Между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла»⁸.

Именно в таком тесно связанном с ментальностью человека ракурсе категория смысла и воспринята социологической мыслью. Смысл в традиционной логике социологического рассуждения есть то, что человек привносит в мир. Так, А.Ф. Филиппов пишет: «Мир смыслов, если следовать известному рассуждению Г. Риккерта, образуется потому, что человек соотносит мир ценностей и мир бытия»⁹.

Этот ракурс кажется настолько очевидным, что не требует проблематизации. Примечательно, что ни один словарь не дает *социологического определения* смысла – это, важнейшее для современного социально-гуманитарного дискурса понятие, используется в нем на уровне самоочевидного концепта, отвечающего феноменологической традиции истолкования смысла, в которой «понятие смысла является базисным в трактовке значимости имен и более широко – человеческого бытия»¹⁰.

⁷ А.С. Кравец. Три парадигмы смысла // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2004. № 6. С. 75–93.

⁸ Э. Гуссерль. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1994. С. 11.

⁹ А.Ф. Филиппов. Социология пространства. СПб., 2008. С. 99–100.

¹⁰ А.С. Кравец. Указ. соч.

Смысл оказывается ничем не детерминированным (если не встать на позиции теологии) актом экзистенциального выбора человека. В логике этого подхода бессмысленно задавать вопрос об истинном, объективном, внесубъективном содержании смысла. Попытки такого рода Вебер, основавший смысло-ориентированную парадигму социологического рассуждения, с самого начала отнес как догматические:

«Слово “смысл” имеет здесь два значения. Он может быть; а) смыслом, действительно субъективно *предполагаемым* действующим лицом в данной исторической ситуации, или приближенным, средним смыслом, субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций; б) теоретически конструированным *чистым* типом смысла, субъективно предполагаемым гипотетическим действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации. Здесь вообще не идет речь о каком-либо объективно «правильном» или метафизически постигнутом «истинном» смысле. Этим эмпирические науки о действии – социология и история – отличаются от всех догматических наук – юриспруденции, логики, этики, – которые стремятся обнаружить в своих объектах “правильный”, “значимый” смысл»¹¹.

В дальнейшем социология не занималась этой проблематикой вообще, а в смысле видела самоочевидный, не требующий каких-либо специальных обоснований критерий «истинно человеческого» – глубокий экзистенциально-личностный и в принципе не верифицируемый феномен. Не есть ли это «слепое пятно»² в социологии и отчасти вообще в гуманитарном регионе знания?

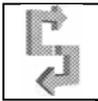
Делая акцент на субъективно постигаемом смысле (личностном смысле, по А.Н. Леонтьеву³), легко придти к эпистемическому пессимизму, открыто сформулированному в следующем, например, высказывании: «Смысл, вслед за А.Н. Леонтьевым..., мы понимаем как объект когнитивной природы, носящий личностный характер и как таковой действительный в полном объеме лишь для его носителя. Смысл принадлежит преимущественно образно-чувственной сфере и поэтому, строго говоря, он некоммуницируем... Смысл лежит за пределами дискурсивного мышления и за пределами языка»⁴.

¹¹ М. Вебер. Основные социологические понятия // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990. С. 603.

¹² Термин офтальмологии, введенный Н. Луманом в социологический аппарат в качестве метафоры (см.: Н. Луман. Общество как социальная система. М., 2004. С. 46, 97 и далее).

¹³ «В отличие от значений, личностные смыслы, как и чувственная ткань сознания, не имеют своего “надындивидуального”, своего “непсихологического” существования. Если внешняя чувственность связывает в сознании субъекта значения с реальностью объективного мира, то личностный смысл связывает их с реальностью самой его жизни в этом мире, с ее мотивами. Личностный смысл и создает пристрастность человеческого сознания» (А.Н. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность // <http://www.psy.msu.ru/science/public/leontev/>

¹⁴ В.Б. Касевич. Семантика, синтаксис, морфология. М. 1988. С. 238.

Однако если говорить о смысле предельно антропоцентрично как о чисто субъективном, личностно укорененном конструкте, существование этого феномена становится столь же проблематичным для человека, как и для животного. Или, наоборот, столь же допустимо для животного, как и для человека. В самом деле, в понимании смысла как некоего активного – избирательного – отношения индивида к миру есть место и биологическим наблюдениям. К подобному допущению приходили исследователи, задававшиеся вопросом о генезисе смысла. Так, М. Мерло-Понти в книге «Структура поведения» вводит понятие смысла как основного организующего принципа поведения живых систем. «Единица физических систем есть *связь*, единица живых организмов – *значимость*. Координация на основе законов, привычная для физического мышления, не исчерпывает феномены жизни, оставляя остаток, подчиняющийся иному виду координации – координации на основе “*смысла*”»¹⁵. А.Н. Леонтьев начинал рассмотрение проблематики смысла с биологических смыслов, присущих животным. Как подчеркивает Д.А. Леонтьев, биологический и интеллектуальный наследник выдающегося отечественного психолога, у А.А. Леонтьева понятие смысла «...изначально характеризует реальные жизненные отношения как человека, так и животного... Тем самым проблема смысла была вынесена из плоскости сознания в плоскость порождающих это сознание реальных жизненных отношений субъекта»¹⁶.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛА

Развитие собственно социологических подходов к анализу категории «смысл» плодотворно вести по двум линиям – семиотической и поведенческой. И та, и другая задает междисциплинарную перспективу анализа и связана с преодолением антропоцентричного понимания смысла. И та, и другая имеет под собой теоретические ресурсы, в том числе в сфере социологии.

В социологии «смысл» принято рассматривать в ракурсе веберовской концепции социального действия как субъективное представление о происходящем, то есть некое *понимание* того, что происходит в социальном поле особи. Предполагается, что у человека такого рода понимание сопряжено с ценностями. Между тем, как неоднократно было замечено, в том числе самим Вебером, его исходная теоретическая интенция, увязывающая смысл не просто с осознанием, но с некоторым самоотчетом, не поддерживается уже самой веберовской тетradой, в которой и аффективное, и традиционное действие никакой ценностно нагруженной рефлексии не требует (последняя может

¹⁵ М. Merleau-Ponty. La structure du comportement. 5 ed. Paris, 1963. P. 168–169 // Цит. по: Д.А. Леонтьев. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, исправленное издание. М., 2003. С. 18.

¹⁶ Д.А. Леонтьев. Указ. соч. С. 82–83.

наступить постфактум, а может и вообще не наступить). Нет никаких принципиальных доводов против того, чтобы трактовать в этих моделях социальное поведение животных.

Сам Вебер счел необходимым поставить вопрос о наличии смысла у животных, однако фактически постановкой вопроса и ограничился, явно не испытывая большого интереса к этой проблеме.

«Мы оставляем в стороне, – пишет Вебер, – вопрос, в какой мере поведение животных может быть нам “понятным” по своему смыслу, а также обратное: в какой мере смысл наших действий “понятен” животным – и то и другое очень неопределенно по своему значению и своим границам, – другими словами, мы не ставим здесь проблему, в какой мере теоретически мыслима социология, изучающая отношение человека к животным (домашним и диким)... Для понимания субъективного смысла в поведении животного мы либо вообще не располагаем *верными* средствами; либо располагаем ими в очень незначительной степени: известно, что проблемы психологии животных столь же интересны, сколь трудны... В какой мере можно надеяться на весьма проблематичную возможность того, что удастся экспериментально установить ... наличие “психологической” и “смысловой” ориентации у животных, вряд ли может определить даже специалист... Совершенно очевидно, во всяком случае, что это не будет способствовать нашему “пониманию” социального поведения людей. Наоборот, в психологии животных мы пользуемся и должны пользоваться аналогиями с психикой людей»¹⁷.

Заметим, что не только аффективное и традиционное, но и рационально нагруженное поведение может быть рассмотрено в междисциплинарной перспективе. Речь идет, разумеется, о целерациональной (а не о ценностно-рациональной) модели действия. Первая предполагает, в виде минимального требования, что социальное поведение особи включает определенные интенции и эти интенции соотносены с потенциально возможными социальными реакциями других членов сообщества. Трудно отрицать наличие такого рода понимания в животных сообществах, в противном случае последние были бы невозможны. Когда обезьяна, непроизвольно состроив гримасу «игрового лица», но не испытывая в данный момент желания играть с сородичами, прикрывает рот рукой¹⁸ – не свидетельствует ли это о вполне отчетливом понимании смысла социального действия?

Мы можем отказать животным в осмысленности социальных взаимодействий только в том случае, если будем понимать под смыслом субъективное представление о происходящем, *облаченное в слова*. Подобное понимание имеет прочные позиции в социологическом дискурсе. Показательно, что в английском издании «Autopoiesis of social systems» Н. Луман в описании системы коммуникации прибегает к термину «utterance» как наиболее близкому, в его представле-

¹⁷ М. Вебер. Указ. соч. С. 617–619.

¹⁸ См.: А.Г. Козинцев. Смех, плач, зевота: психология чувств или этология общения? // Этология человека на пороге 21 века: новые данные и старые проблемы. М., 1999. С. 103.

нии, аналогу для непереводаемого немецкого «mitteilung»¹⁹. Английский термин привносит дополнительную лингвистическую коннотацию: если немецкое «mitteilung» означает *сообщение, уведомление, извещение, передачу сведений*, то английское «utterance» – это «высказывание, произнесение, выражение в словах». Выбор данного термина не случаен: для Лумана речь и письменный язык являются важнейшими медиа коммуникации. Однако вряд ли плодотворно ограничивать даже человеческую коммуникацию исключительно языковыми взаимодействиями. «Сообщения», задающие коммуникацию (то есть содержащие «информацию», которая интерпретируется в процессе «понимания»), могут конструироваться и невербальными способами с привлечением таких средств, как позы, запахи, звуки, мимика и т.д. Эти средства органичны для коммуникации не только животных, но и человека. Известно, что речевой практике сопутствует множество внелексических способов передачи смысла взаимодействия (паралингвистических, кинетических, проксемических и пр.), более того, смыслы, переданные подобным образом, порой более точно и адекватно отражают происходящее, нежели слова.

Обратимся к семиотической трактовке смысла. С точки зрения семиотики смысл есть «способ данности (обозначаемого)»²⁰, некоторое общеразделяемое представление²¹ о наполнении имени, о существенных характеристиках того референта (реального или воображаемого), к которому имя отсылает. По Павилёнису, смысл, или «концепт можно рассматривать как *интенциональную функцию*, определяющую множество объектов, или предметов; значениями такой функции, очевидно, могут быть как объекты (предметы) действительного мира, так и объекты (предметы) возможных миров»; «В более строгом смысле концепт может рассматриваться как интенциональная функция от возможного мира к его объектам»²². Смысл есть своего рода вектор от имени к референту. Когда в глазах кого-то этот вектор уходит в пустоту, говорят о бессмысленности.

Понимание смысла как функции от имени к референту (или, в познавательном процессе, от референта к имени: назвать – значит понять, придать смысл) кажется довольно удачным инструментальным ходом, позволяющим схватить трудноуловимую сущность смысла. Во всяком случае, такой функциональный подход кажется более убедительным, чем попытки раскрыть категорию «смысл» через психическую деятельность субъекта.

Однако оба подхода (и поведенческий, и семиотический) пока еще слишком сильно нагружены субъективностью. По сути, нам уда-

¹⁹ См.: N. Luhmann. The Autopoiesis of Social Systems // N. Luhmann. Essays on Self-Reference. New York, 1990. P.17.

²⁰ Г. Фреге. Смысл и значение // Г. Фреге Избранные работы М., 1997. С. 26.

²¹ Фреге подчеркивал, что смысл следует отличать от субъективных представлений о содержании знака.

²² Р.И. Павилёнис. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983. С. 102, 240.

лось лишь в первом случае расширить понимание смысла до общебиологических границ и во втором – дать некоторое его формальное описание.

Попробуем сделать вторую интерпретацию, сдвинув фокус внимания от субъекта к среде, в которой он действует и в которой осуществляется понимание.

В этом ракурсе смысл некоего феномена/события можно определить как включенность в контекст. Подобный заход на проблематику смысла, предложенный еще, как утверждает Д.А. Леонтьев, в XVI веке Флациусом Матиусом Иллирийским²³, кажется весьма продуктивным как некая общая мета-рамка обсуждения, в которую вписывается, пожалуй, любое специфицированное описание смысла (биологическое, лингвистическое, психологическое). Так, для живого существа смысл чего-либо определяется включенностью в привычную рамку жизнедеятельности. Если событие распознается как релевантное этому контексту, оно наделяется смыслом – становится значимым, важным, существенным, заслуживающим внимания. Всё, что выходит за рамки контекста или растворяется в нем, воспринимается как бессмысленное (вспомним этнометодологические эксперименты, показавшие сложность экспликации рутинных смыслов, утопленных в привычном контексте). Случаи минимальной и максимальной включенности в контекст задают полюса смысла. По удачному выражению А.С. Кравца, «все правильные смыслы располагаются между тавтологией и абсурдом»²⁴.

Продуктивность контекстуального подхода к проблеме лингвистического смысла кажется очевидной. Сильная и междисциплинарно открытая версия контекстуального подхода предложена в работе Павлилёниса, посвященной логико-философскому анализу смысла языковых выражений. Как показал автор, проблема понимания предложений естественного языка выходит за рамки чисто лингвистических и логико-семантических интерпретаций смысла. Последний, по мнению автора, возникает до языка и фиксируется в системе концептов, «представляющих собой – в содержательном смысле – информацию (истинную или ложную), которой располагает индивид-носитель такой системы о действительном или возможном положении вещей в мире (то, что он думает, знает, предполагает, воображает и т.д. об объектах мира в возможно широком понимании термина “объект”»²⁵.

Именно в рамках экстралингвистического контекста, заданного общими представлениями о мире (в том числе представлениями, не попадающими в оптику рефлексии, а также установками, поддерживаемыми генетически), происходит понимание предложений естественного языка. «Естественный язык, – подчеркивает Павлилёнис, – сам по себе не является концептуальной системой, он, образно говоря, «вплетен» в такую систему, он служит для дальнейшего строения и символического представления содержания определенных концепту-

²³ См.: Д.А. Леонтьев. Указ. соч. С. 9.

²⁴ А.С. Кравец. Указ. соч.

²⁵ Р.И. Павлилёнис. Указ. соч. С. 239–240.

альных систем, воплощающих как обыденные (в том числе и довербальные), так и научные, квазинаучные и другие возможные представления носителей языка о действительном или каком-либо другом возможном мире»²⁶.

Такой широкий, эпистемически нагруженный подход, выстроенный на сбалансированном сочетании конструктивистской и «объективистской» парадигм, кажется весьма продуктивным не только с точки зрения междисциплинарных обобщений, но и собственно аналитического продвижения к искомой понятийной конструкции.

Итак, смысл есть способ выделить в хаосе вещей и процессов информационные комплексы, важные для субъекта. Важные – это те, что распознаются как таковые в пространстве той семиотической среды, в которую погружен субъект (заметим, что этим субъектом может быть не только человек и даже не только особь). Важность и смысл задаются контекстом²⁷. То, что в одном контексте воспринимается как неважное или даже бессмысленное, в другом – исполнено глубочайшего смысла. Это почти тривиально. Но обратим внимание на то, что уже здесь заложен принципиальный антисубъектный поворот: смысл есть функция не психики, но структур. Смысл создается не личностью, но контекстом. А личность есть не более чем инструмент, связывающий контекст и происходящее.

Здесь вряд ли стоит стремиться идти дальше – к некоему содержательному наполнению «смысла». В каждом контексте это содержание будет своим и, по-видимому, в каждом контексте оно будет выступать в разряде «taken-for-granted categories» – того, что не рефлексруется и рефлексия чего затрудняет коммуникацию.

Как известно, подобный инструментально-прагматический подход к смыслу в современной социологии инспирирован работами Лумана, считавшего неудовлетворительными «классические антропоморфизмы, которые опираются на гипотезы о “человеке” и, соответственно, истолковывают смысл “субъективно”»²⁸. В полном соответствии со своей «антигуманистической» концепцией Луман постулировал инструментальную природу смысла: «Смысл существует исключительно как смысл использующих его операций, а значит, лишь в тот момент, когда он этими операциями определяется – не раньше и не позже. Поэтому смысл – это *продукт* операций, использующих смысл, а не какое-то свойство мира...»²⁹.

Последовательное развитие такого инструментального подхода сделано в коннективной концепции смысла А.Ю. Антоновского.

²⁶ Там же. С. 117.

²⁷ Что, кстати, хорошо схвачено в модном слове «дискурс». Согласно одному из, пожалуй, самых удачных определений, дискурс есть все то, что может быть сказано в пространстве данной коммуникации. Заметим «на полях»: мы не уверены, что научная коммуникация должна строиться по модели дискурса. Скорее, она должна стремиться к выходу за рамки, заданные дискурсом, поскольку мета-задачей любой науки является преодоление своих собственных пределов.

²⁸ Н. Луман. Общество как социальная система. М., 2004. С. 153.

²⁹ Там же. С. 45.

«Смысл, – подчеркивает автор, – это не герменевтическое, не семантическое, не логическое понятие»; «Смысл имеет все то, что подсоединилось, вошло во временную последовательность событий»³⁰. «Коннективность (подсоединимость), – резюмирует автор, – критерий осмысленности, а не наоборот, как может показаться на первый взгляд»³¹.

Несмотря на «антигуманистичность», «холодную» функциональность, да и просто непривычность такого подхода, именно он позволяет понять то особое значение, которое гуманитарные науки придают категории «смысл». Смысл – это тот канал (Луман предпочитает слово «медиум»), посредством которого внешний мир становится доступным аутопойетической системе: «...оперирующие системы остаются связанными со своим медиумом – смыслом. Лишь он один дает им реальность в форме последовательной актуализации собственных операций»³².

Смысл, подчеркивает Антоновский, обеспечивает «коннективность через отсылку к внешним референтам»³³.

Придав этим рассуждениям чуть больше «теплоты», можно сказать, что смысл есть способ ориентации в мире. В зависимости от того, в каком «регистре» этого мира обитает субъект, то и будет иметь для него смысл – то есть выступать ориентирующим инструментом. В одном случае это может быть набор распознаваемых запахов, в другом – набор экзистенциальных ценностей. Ничто не мешает именно так интерпретировать следующие, гораздо более «прохладные» рассуждения Лумана: «Результат ... повторного вхождения, очевидный для самой системы, в дальнейшем и будет обозначаться понятием “смысл”. Если принять эту теоретическую установку, можно уже не исходить из некоторого наличного смысла, который бы состоял из вещей, субстанций, идей, и уже не обозначать их целостностью (universitas rerum) понятием мира. <...> Мир является безмерным потенциалом неожиданного, виртуальной информацией, которая, однако, необходима системам для производства информации или точнее, для того, чтобы избранным раздражителям придать смысл информации»³⁴.

Подобный «коннективный», или функционально-контекстуальный подход к смыслу вполне интерпретируем семиотически. Смысл есть движение от имени к референту. Смысл есть то, что обеспечивает имени референцию во внешнем мире, то, что встраивает его в кон-

³⁰ А.Ю. Антоновский. Медиа коммуникации как средства конструирования и познания реальности // Эпистемология и философия науки // <<http://journal.iph.ras.ru/media.html>>.

³¹ А.Ю. Антоновский. Смысл как коннективный механизм в языке, сознании и коммуникации // Язык. Знание. Социум. Социальная эпистемология. М., 2007.

³² Н. Луман. Указ. соч. С. 55–56.

³³ А.Ю. Антоновский. Смысл как коннективный механизм в языке, сознании и коммуникации.

³⁴ Н. Луман. Указ. соч. С. 47.

текст, подсоединяет к цепи предшествующих знаковых конструкций. В этом отношении антропо-фокусированное выражение «наделить смыслом» уводит к ненужным субъективно-ценностным коннотациям. «Наделить смыслом» в семиотическом значении есть «наделить местом», «выделить место» в цепи уже осмысленных образов. Как подчеркивает Павилёнис, смысл есть «непрерывный невербальный конструкт», интерпретация которого возможна только в более широких рамках концептуальной системы: «выражение считается осмысленным для определенной системы, если и только если соотносимая с выражением концептуальная структура интерпретируется на множестве ее концептов»³⁵.

Все представленные выше трактовки смысла в равной мере применимы как к человеку, так и к non-human animals. Действительно, и нестрогая интерпретация смысла как понимания сути происходящего (угроза или приглашение к игре?), и более строгий функциональный подход к смыслу как способу связи имени и референта, и коннективная трактовка смысла – всё это абсолютно точно описывает ту ключевую его роль, которую он играет в жизнедеятельности любого живого существа. При этом совершенно неважно, как происходит распознавание смысла – врожденным или приобретенным способом. В том, что для человека смысл приобрел рационально-ценностную оболочку, следует видеть скорее итог длинного эволюционного пути, нежели разрыв с миром естественной необходимости. Впрочем, никто не отменял и предыдущие «достижения»: огромный пласт социальных взаимодействий человека основан на врожденном распознавании значимых стимулов.

Очерченная выше функциональная мета-рамка трактовки смысла пропускает к социальности животных, однако создает серьезные препятствия для выработки универсального определения социальности. Дело в том, что ничто не мешает в подобной функционально-контекстуальной рамке интерпретировать клеточные и даже химические взаимодействия. Неслучайно биосемиотика претендует сегодня на статус семиотической мета-науки³⁶.

Для того чтобы продвинуться дальше в развитии семиотического подхода к социальности, необходимо дистанцироваться от эндосемиотики³⁷.

Можно ли ген, или сигнальный пептид, или феромон рассматривать как знак? Здесь полезно вспомнить, что знак по своей сути есть

³⁵ Р.И. Павилёнис. Указ. соч. С. 206–207.

³⁶ «Очевидно, что наличие знаков, значений и смыслов – специфическая фундаментальная особенность живых систем, включая разумные, начиная с их молекулярной организации. Таким образом, биосемиотика может стать основой как для семиотики, так и для биологии». (J. Hoffmeyer и его датские коллеги.) (А.Е. Седов. Биосемиотика // <http://biospace.nw.ru/biosemiotika>).

³⁷ «Эндосемиотика – область науки, изучающая внутриорганизменные знаковые системы и процессы» (А.Е. Седов. Словарь // <http://biospace.nw.ru/biosemiotika>).

информационный заместитель, посредник – то есть некий образ, по которому можно судить о замещающем феномене. А для этого должно быть нечто (забегая вперед, скажем – скорее *некто*), способное этот образ воспринять (или не воспринять в силу, например, недостаточной обученности). Когда мы говорим о феромоне – субъектом является живое существо, например, бабочка, для которой за этим феромоном стоит образ полового партнера.

Интерпретировать в той же логике знаковость гена гораздо сложнее. Можно ли считать, что ген – это образ белка или геном – образ организма или что для транспортной ДНК кодон есть образ соответствующей аминокислоты? Подобные литературные обороты могут украсить речь, однако вряд ли будут релевантны в качестве научной модели.

Для того чтобы можно было говорить о знаке, должен существовать некий образ (в том числе воплощенный в виде эмоции, драйва, побуждения) и этот образ не должен совпадать с обозначаемым. Он создается смыслом, и он должен храниться где-то отдельно.

Где в транспортной ДНК хранится образ аминокислоты, и как он извлекается, мы не знаем. У живого организма для хранения и извлечения таких образов существует нервная система.

Таким образом, для того чтобы корректно оперировать понятиями знак и смысл, необходимо сделать шаг назад и вернуться к субъекту смыслополагания. Задача состоит не в том, чтобы вернуть субъекту «смыслополагающие права». Мы по-прежнему склонны придавать ему скорее «техническое» значение как «инструмента», не столько продуцирующего, сколько извлекающего смысл, однако здесь для нас важно обратить внимание на то, что этот «инструмент» разрывает обозначаемое и тот контекст, в котором он обретает статус обозначаемого. Вот этот разрыв и появление образа и есть, по-видимому, тот важный момент, который упущен в функциональной (коннективной) трактовке смысла и который стирает грань между взаимодействиями биохимического и организменного уровня.

По-видимому, во всех тех случаях, когда мы имеем дело с химическими, биохимическими и физическими взаимодействиями, правильнее говорить о механизме комплементарной связи как о процессе, предшествующем распознаванию. Транспортная ДНК комплементарно связывает кодон и соответствующую аминокислоту, но она не видит в кодоне образа аминокислоты (просто потому, что ей нечем видеть).

Дальнейшее обсуждение этих сюжетов вряд ли будет плодотворно без профессионального участия биологов. В качестве предварительного и в определенной степени конвенционального решения, которое позволит нам продвинуться дальше в разработке семиотической трактовки социальности, мы ограничим класс социальных взаимодействий теми, в которых участвуют живые существа, обладающие тем или иным типом нервной системы и, соответственно, определенными психическими возможностями.

Возможно, когда-нибудь такая конвенция потребует пересмотра, однако на сегодня расширять понятие социального взаимодействия за названные границы не представляется продуктивным. Исходя из это-

го, мы будем считать социальными взаимодействия, наблюдаемые в пчелином рое, но не будем считать таковыми взаимодействия растений, кораллов, а также взаимодействия клеточного уровня.

Таким образом, в отношении междисциплинарного статуса смысла мы остаемся на позиции, сформулированной еще А.Н. Леонтьевым, который писал: «Проблему смысла надлежит ставить исторически. Понятие смысла означает отношение, возникающее вместе с возникновением той формы жизни, которая необходимо связана с психическим отражением действительности, т.е. вместе с психикой. Это и есть специфическое для этой формы жизни отношение»³⁸.

Специфика социологического подхода к смыслу состоит в том, что он задает не оценку, а онтологию взаимодействия. Нет социального взаимодействия без знака³⁹, и, следовательно, нет социального взаимодействия без смысла. Для социологии, по крайней мере в рамках решения задачи определения ее основного понятия, смысл предстает в качестве очень широкой и в этом отношении содержательно бедной категории. И это неслучайно: в рамках поставленной задачи категория «смысл» нужна не для того, чтобы развести социальность животных и человека, а для того, чтобы отделить физические и биохимические взаимодействия от взаимодействий, в которых участвуют целостные организмы.

Социальность есть базирующееся на общей смысловой перспективе взаимодействие, участниками которого являются существа, обладающие нервной системой.

Критерий общей семиотической перспективы заставляет предположить, что социальность – это взаимодействие, совершаемое между концепсификами.

Такой подход представляется в целом продуктивным, однако он требует объяснения ряда феноменов, которые очевидным образом ему противоречат. В частности, как быть со взаимодействием в системе «хищник/жертва»? Нет сомнений, что в него вовлечены богатейшие семиотические ресурсы – достаточно вспомнить знаменитый «глазчатый рисунок» на крыльях бабочек. Попытка обойти этот критерий простейшим образом, исключив из «социального» случаи врожденной чувствительности к такого рода знакам, не только нелогична с точки зрения идей, высказанных ранее, но и неверна на существу, потому что в значительном числе случаев умению распознавать хищника животные учатся опытным путем (именно так, например, непуганое зверье научается распознавать «человека с ружьем»).

Предпринятый нами наддисциплинарный анализ социальности не позволяет отмахнуться от подобных вопросов. Решение их возможно на пути, заданном лумановской концепцией коммуникации. Коммуникация, по Луману, – это операция, которая обладает боль-

³⁸ А.Н. Леонтьев. Философия психологии: из научного наследия. М., 1994. С. 207–208.

³⁹ См.: И.А. Шмерлина. Семиотическая трактовка социальности: постановка проблемы // Социологический журнал. 2006. № 3–4. С. 25–45.

шой разрешительной силой; операция, которая подсоединяет следующую операцию и способна сформировать автореференциальное поле возможных событий и взаимодействий как актуализированных, так и потенциальных.

«Если исходить из коммуникации как из элементарной операции, воспроизводство которой конституирует общество»⁴⁰, можно разделить все взаимодействия на (А) класс коммуникаций, открывающих путь дальнейшим коммуникациям (то есть класс воспроизводящихся операций), и (Б) класс коммуникаций, блокирующих последующую коммуникацию. Очевидно, что описанные выше случаи, отвечающие модели «хищник – жертва», относятся к классу Б, интуитивно не воспринимаемому как класс социальных взаимодействий. В качестве дополнительного тонкого индикатора можно предложить структурный критерий, заставляющий обратить внимание на то, приводит ли взаимодействие к формированию устойчивых структур. Наличие устойчивых структур-практик, поддерживаемых не только прямыми (физическими), но и ритуальными действиями, собственно, и позволяет говорить о том, что мы имеем дело с феноменом социального.

Социальность есть базирующаяся на общей смысловой перспективе взаимодействия живых существ, обладающих нервной системой, преимущественно конспецификов, совершаемые как цепь подсоединяющихся взаимодействий и образующие устойчивые структуры.

В данной работе мы стремились показать, что все интерпретации социального, принятые социологией, в той или иной степени допускают биологическое истолкование. Те критерии, на которые подспудно, как на непреложную аксиоматику, ориентируется социология в своем неэксплицированном понимании социального, ни в коей мере не позволяют отличить социальность человека, а как раз наоборот – фундируют понимание социальности как тотального феномена жизни, вплоть до допущения провокативных предположений о социальной природе внутриклеточных взаимодействий. Подобная уязвимость социологических моделей проистекает из терминологической нестрогости социологического дискурса. Размытость, приблизительность границ социологических понятий, делающая возможными необоснованные экстраполяции, есть следствие неспособности социологии работать в междисциплинарном режиме анализа. Предпочитая не видеть то, что требует объяснения, социология избавляет себя от необходимости давать такие объяснения, в том числе – выстраивать такое понимание социальности человека, которое исключало бы междисциплинарные параллели. Таким образом, следующим шагом в терминологическом прояснении концепта «социальное» должна быть выработка научного понятия, релевантного тому классу явлений, на изучение которых ориентирована социология.

⁴⁰ Н. Луман. Указ. соч. С. 161.